Предпринимательская деятельность в сети Интернет: основные источники и перспективы правового регулирования

Шварц Лариса Владимировна

доцент кафедры гражданского и трудового права Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Северо-Западный институт управления, Санкт-Петербург, Российская Федерация, кандидат юридических наук; shvarz7@yandex.ru

АННОТАЦИЯ

Действующее российское законодательство определяет интернет как разновидность информационно-телекоммуникационной сети. Статья посвящена проблемам правового регулирования предпринимательского использования интернета. Одним из основных сегодня вопросов в контексте отношений «предпринимательская деятельность — интернет» является вопрос о соотношении применения действующих норм законодательства и принятия специальных нормативных актов, учитывающих специфику Всемирной сети. По мнению автора, придавать особый статус заключению и исполнению сделок посредством интернет-пространства, принимая специальные законы, нет необходимости, достаточно развивать положения уже существующих, разрабатывая механизм применения интернет-технологий.

Ключевые слова: Интернет, предпринимательская деятельность, правовое регулирование, законодательство

Business Activity on the Internet: Main Sources and Prospects of Legal Regulation

Larisa V. Shvarts

Associate Professor of Department of Civil and Labor Law of Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, North-West Institute of Management, Saint Petersburg, Russian Federation, PhD in Jurisprudence; shvarz7@yandex.ru

ABSTRACT

The current Russian legislation defines the Internet as a kind of information and telecommunication network. The article is devoted to the problems of legal regulation of business use of the Internet. One of the main issues today in the context of relations "business — Internet" is the question of the ratio of the application of existing legislation and the adoption of special regulations that take into account the specifics of the world wide web. According to the author, there is no need to give a special status to the conclusion and execution of transactions through the Internet space, adopting special laws, it is enough to develop the provisions of existing ones, developing a mechanism for the use of Internet technologies.

Keywords: Internet, business activity, legal regulation, legislation

Интернет-пространство активно заполняется коммерческим контентом, управляемым предпринимателями. Торговля интенсивно переходит из «реального» рынка в сетевой, стали появляться ранее не существовавшие формы предпринимательства, обусловленные развитием и внедрением интернет-технологий. Ответом на такую практически стихийную экономическую реформу стало создание нормативной базы, регулирующей специфические отношения в сети Интернет как на международном уровне, так и на уровне отдельных государств.

В данном контексте нельзя не упомянуть принятую 23.11.2005 Конвенцию ООН (далее — Конвенция) об использовании электронных сообщений в международных договорах[1]. Страны — участники Конвенции обязаны признать законность электронных сообщений, используемых в договорах, а также учитывать место и время отправки сообщений. Также Конвенция прописывает понятие «электронных условий», введение которого в условия договора означает для сторон, что они признают обмен электронными сообщениями в качестве средства ведения деловых переговоров и признания за ними силы сделки. Для России документ вступил в силу 01.08.2014.

Активное участие в регулировании интернет-предпринимательства принимает Всемирная организация интеллектуальной собственности, главное направление деятельности которой заключается в обеспечении охраны интеллектуальной собственности, что актуально и для электронной коммерции. Так, совместно с Всемирной торговой организацией (ВТО) было разработано «Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности», известное как Соглаше-

[1] Конвенция на русском языке опубликована на официальном интернет-портале правовой информации [Электронный ресурс]. URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 18.09.2019).

ние по ТРИПС и действующее в России с 22.08.2012[2]. Оно устанавливает и позволяет урегулировать в рамках ВТО правила международной торговли интеллектуальной собственностью на мировом рынке.

Всемирная торговая организация также разработала и заключила Соглашение по информационным технологиям (СИТ), предусматривающее снижение тарифов на товары, которые непосредственно связаны с информационными технологиями[3].

В рамках Европейского союза действуют Директива № 2011/83/ЕС «О правах потребителей», а также Директива 2000/31/ЕС «О некоторых правовых аспектах информационных услуг на внутреннем рынке, в частности, об электронной коммерции»[4]. Согласно данным документам каждый потребитель вправе воспользоваться средствами защиты в стране постоянного места жительства[5]. По сути, в Европейском союзе сделаны все необходимые предварительные шаги к формированию рамочных правил для развития электронной коммерции. И несмотря на то, что Россия не участвует в данном процессе, европейский опыт правового регулирования имеет особую важность, поскольку наша страна принадлежит к той же правовой семье, что и большинство европейских стран.

Комиссией ООН по международному торговому законодательству были разработаны Типовой закон ЮНСИТРАЛ (англ. United Nations Commission on International Trade Law, UNCITRAL) об электронных подписях[6], Типовой закон ЮНСИТРАЛ об электронной торговле[7]. Типовой закон ЮНСИТРАЛ об электронных подписях для России не имеет большого смысла, так как уже принят Федеральный закон «Об электронной подписи». Типовой закон об электронной торговле более интересен для российских законодателей и предпринимателей в силу отсутствия собственного, так как затрагивает вопросы электронной торговли в целом, применение юридических требований в отношении сообщений данных, передачи сообщений данных, транспортных документов и перевозки грузов.

При толковании перечисленных актов следует учитывать их международное происхождение и необходимость содействовать достижению единообразия в их применении и соблюдению добросовестности.

Относительно организации интернет-предпринимательства внутри страны следует отметить, что, несмотря на непринятие законопроекта № 11081-3 «Об электронной торговле»[8], в настоящее время в России существует определенная законодательная база ведения предпринимательской деятельности в сети Интернет, которая имеет тенденцию к дальнейшему расширению и детализации.

Основным источником правового регулирования предпринимательской деятельности выступает Гражданский кодекс РФ. В целом гражданское законодательство не дает определения предпринимательской деятельности в сети Интернет, но представляется, что интернет-коммерция обладает тем же набором признаков, что и родовое понятие, однако разница заключается в средстве осуществления такой деятельности — интернет-пространство. Таким образом, интернет-предпринимательство включает в себя предпринимательскую деятельность, осуществляемую за счет сети Интернет, пронизывая все сферы бизнеса, такие как страхование, торговля, электронные деньги, маркетинг, банкинг, обмен информацией.

Законодатель устанавливает специальные требования к осуществлению предпринимательской деятельности посредством цифрового пространства также в законах, регулирующих обособленные правоотношения, например: Федеральном законе от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации,

---

[2] Собрание законодательства РФ. 10.09.2012. № 37 (приложение, ч. VI). С. 2818–2849.

[3] См.: Загашвили В. С. Всемирная торговая организация перед лицом новых вызовов // Российский внешнеэкономический вестник. № 7. М., 2016. С. 17.

[4] Официальный сайт законодательства Европейского союза [Электронный ресурс]. По состоянию на 25.08.2017. URL: http://eur-lex.europa.eu (дата обращения: 10.09.2019).

[5] См.: Архипов В. В., Килинкарова Е. В., Мелащенко Н. В. Проблемы правового регулирования оборота товаров в сети Интернет: от дистанционной торговли до виртуальной собственности. М. : Закон. 2014. № 6. С. 121.

[6] Документ опубликован не был. [Электронный ресурс]. URL: https://www.uncitral.org/pdf/russian/texts/electcom/ml-elecsig-r.pdf (дата обращения: 18.09.2019).

[7] Типовой закон на русском языке опубликован в издании: Комиссия ООН по праву международной торговли. Ежегодник. 1996 г. Т. XXVII. Нью-Йорк : Организация Объединенных Наций, 1998. С. 319–323.

[8] В 2004 г. проект Федерального закона был отклонен во втором чтении. Несмотря на непринятие законопроекта, содержащиеся в нем положения имеют значение для понимания специфической терминологии, а также толкования действующих норм гражданского права в контексте электронного бизнеса и принимаются многими предпринимателями в качестве нелегальных определений и даже в какой-то степени своеобразной модели поведения, хотя и не установленной на уровне закона, но «обычной».

информационных технологиях и о защите информации»[9], Законе РФ от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей»[10], Федеральном законе от 13.03.2006 № 38-ФЗ «О рекламе»[11].

Так, своеобразным видом посредничества в сети Интернет выступает деятельность организаторов — владельцев сайта (программного обеспечения) по принципу «убера»[12]. В российском законодательстве участников таких интернет-отношений именуют владельцами агрегаторов, а именно: Закон РФ «О защите прав потребителей» ввел общее понятие агрегатора, Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» использует термин «новостной агрегатор», Распоряжением Правительства РФ от 28.04.2018 № 824р вводится понятие «единого агрегатора торговли», с использованием которого заказчики вправе осуществлять закупки для обеспечения государственных и муниципальных нужд. В теории было дано следующее унифицированное определение данному термину: владельцы агрегаторов — это «организации или индивидуальные предприниматели, которые не являются реальными продавцами, но выступают своего рода посредниками и непосредственными получателями денежных средств от потребителей в счет оплаты товаров, представленных на их сайтах»[13].

«Сайты-посредники» пользуются большой популярностью как среди субъектов предпринимательской деятельности, так и обычных физических лиц, что обусловлено в первую очередь простотой поиска; для организаций, предоставляющих такие услуги, прибыль от данной деятельности очень высока. Но из-за отсутствия четкой правовой регламентации их деятельности хозяйствующие субъекты, владеющие сайтами и не являющиеся классическими продавцами (исполнители), фактически не несли бремя соблюдения прав потребителей на информацию о продавце (изготовителе, исполнителе), реализуемых товарах и предлагаемых услугах. Однако они выступают в качестве непосредственных получателей денежных средств, потому должны включаться в правоотношения между исполнителем (продавцом) и заказчиком.

Директивой Европейского парламента и Совета Европейского союза от 25.10.2011 2011/83/ЕС о правах потребителей данная тенденция учтена и определено понятие «дистанционные контракты» (организованные схемы дистанционных продаж товаров или дистанционного оказания услуг без необходимости одновременного физического присутствия продавца и потребителя, с исключительным использованием одного или нескольких дистанционных средств связи вплоть до момента заключения контракта)[14]. В ст. 8 Директивы особо оговаривается, что посредник — организатор схемы дистанционной продажи — обязан предоставлять полную и достоверную информацию о товаре (услуге) до заключения договора, а также о продавце (исполнителе).

Следуя принципу содействия надлежащему функционированию внутреннего рынка посредством достижения высокого уровня защиты потребителей, российский законодатель компенсировал отсутствующую норму, установив, что организатор распространения информации в сети Интернет (владелец социальной сети или мессенджера), который, с одной стороны, не вмешивается в деятельность своих пользователей, однако, с другой стороны, предоставляя интернет-пространство, в случае нарушения частных или публичных интересов выступает в качестве лица, обязанного принять предусмотренные законом меры, что также соответствует статусу посредника.

По вопросу о необходимости введения ответственности владельцев агрегаторов за достоверность сведений и контроля за соответствием продавцов необходимо отметить, что законодателем были внесены значительные изменения в Закон «О защите прав потребителей»[15]. Так, согласно ч. 2.1 ст. 12 данного закона «владелец агрегатора, предоставивший потребителю недостоверную или неполную информацию о товаре (услуге) или продавце (исполнителе), на основании которой потребителем был заключен договор купли-продажи (договор возмездного оказания услуг) с продавцом (исполнителем), несет ответственность за убытки, причиненные потребителю вследствие

---

[9] Российская газета. 29.07.2006. № 165.

[10] Российская газета. 16.01.1996. № 8.

[11] Российская газета. 15.03.2006. № 51.

[12] Термин «убер» берет начало от названия американской компании Uber Technologies Inc. Uber является компанией, организующей перевозки пассажиров и багажа, при этом сам Uber не является перевозчиком и не несет по общему правилу ответственность в качестве перевозчика. Uber занимается сведением клиента и перевозчика, такая бизнес-модель стала весьма популярна (в том числе с различными особенностями и на различных рынках), а наименование “Uber” — нарицательным.

[13] Лейба А. Состояние конкуренции в розничной интернет-торговле // Конкуренция и право. № 3. М., 2016,. С. 45.

[14] Директива Европейского парламента и Совета Европейского союза от 25.10.2011. 2011/83/ЕС [Электронный ресурс]. URL: http://www.wipo.int/ (дата обращения: 10.09.2019).

[15] О внесении изменений в Закон Российской Федерации «О защите прав потребителей» : федеральный закон от 29.07.2018 № 250-ФЗ // Собрание законодательства РФ, 30.07.2018, № 31, ст. 4839.

предоставления ему такой информации». Перечень случаев ответственности владельцев агрегаторов не исчерпывается внесенными изменениями, позиция о возможности привлечения агрегаторов по другим правовым основаниям нашла подтверждение в разъяснениях Верховного Суда РФ[16].

Обращает на себя внимание еще один важный вопрос. Организатор распространения информации в сети Интернет обязан соблюдать требования законодательства о защите интеллектуальной собственности, однако в отличие от «простого» владельца сайта, который самостоятельно занимается его наполнением, организатор в основном предоставляет зарегистрированным пользователям такую возможность. Ответственность за размещение несанкционированного контента при этом будет нести лицо, имеющее доступ к пользованию сайтом и размещающее информацию от своего имени. От организатора требуется содействие в изъятии объектов собственности из общего доступа. За нарушение данных требований организаторы будут нести административную ответственность, а их сайты подвергнуты блокировке. Как известно, сеть Интернет предоставляет пользователям возможность быстро и бесконтрольно осуществлять размещение информации, что вместе с большим количеством интернет-ресурсов делает практически неэффективным контроль над несанкционированным распространением и использованием объектов интеллектуальной собственности. Вместе с тем в сфере предпринимательской деятельности обладание интеллектуальной собственностью играет большую роль. Она обеспечивает уникальность предприятия, его привлекательность для контрагентов, дает возможность извлекать пассивный доход.

Особенной категорией споров по защите интеллектуальных прав выступают споры, связанные с доменным именем. В российском законодательстве в настоящее время доменное имя не является объектом интеллектуальной собственности. В проекте Федерального закона № 47538-6 «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации» доменное имя рассматривалось как средство индивидуализации, давалось его определение и закреплялось, что исключительное право на доменное имя возникает с момента регистрации. Но в процессе рассмотрения законопроекта данные положения были исключены. В. И. Еременко, доктор юридических наук, в свое время возглавляющий Отдел права Евразийского патентного ведомства, по данному поводу высказался следующим образом: «Такой финал является закономерным, поскольку нигде в мире официально не признано исключительное право на доменное имя, в том числе на международном уровне»[17].

Однако в качестве обеспечительных мер по доменного спору можно предусмотреть запрет администратору совершать какие-либо действия с доменным именем, включая отчуждение, отказ, смену регистратора, а также запрет регистратору аннулировать доменное имя и передавать права администрирования доменного имени другому лицу[18]. Еще один важный аспект для разрешения подобных споров — это привлечение в качестве соответчика администратора доменного имени. Так, согласно ст. 1253.1 Гражданского кодекса РФ информационный посредник по общему правилу несет ответственность за нарушение интеллектуальных прав в информационно-телекоммуникационной сети на общих основаниях при наличии вины.

Существенную роль для совершения гражданско-правовых сделок в интернет-пространстве играет Федеральный закон от 06.04.2011 № 63-ФЗ «Об электронной подписи»[19]. Внедрение электронного документооборота практически во все сферы деятельности сделало необходимым наличие цифрового аналога привычной росписи. Закон закрепляет основные понятия, применяемые в данных отношениях. Так, под электронной подписью понимается информация в электронной форме, которая присоединена к другой информации в электронной форме (подписываемой информации) или иным образом связана с такой информацией и которая используется для определения лица, подписывающего информацию. Также закон определяет виды электронных подписей и устанавливает порядок их получения и использования. В целом данный акт принят, чтобы

---

[16] О некоторых вопросах применения законодательства о договоре перевозки автомобильным транспортом грузов, пассажиров и багажа и о договоре транспортной экспедиции : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.06.2018 № 26 // Российская газета. № 142. 04.07.2018.

[17] См.: Еременко В. И. О совершенствовании правового регулирования доменных имен в Российской Федерации // Законодательство и экономика. № 10. М., 2012. С. 42.

[18] Об утверждении справки о некоторых вопросах, связанных с процессуальным порядком применения обеспечительных мер по доменному спору : постановление Президиума Суда по интеллектуальным правам от 15.10.2013 № СП-23/3 [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. URL: http://www.ipc.arbitr.ru/ (дата обращения: 20.09.2019).

[19] Российская газета. 08.04.2011. № 75.

обеспечить сохранение подлинности и достоверности электронных документов и информации, заверенных электронной подписью подписанта, при соблюдении требований, указанных в законе.

В связи с этим хотелось заметить, что с 13.08.2019 вступил в силу Федеральный закон от 02.08.2019 № 286-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "О государственной регистрации недвижимости"»[20], согласно которому предусматривается запрет на рассмотрение поданного в форме электронного документа заявления о государственной регистрации перехода или прекращения права собственности на объект недвижимости, принадлежащий физическому лицу, если в Едином государственном реестре недвижимости отсутствуют сведения о возможности представления такого заявления в форме электронного документа и (или) электронного образа документа, подписанных усиленной квалифицированной электронной подписью. Таким образом, подать документы на регистрацию перехода права собственности дистанционно, без разрешения собственника, стало невозможно, что позволит минимизировать риски совершения мошеннических операций с недвижимостью.

В России также действует Федеральный закон от 27.06.2011 № 161-ФЗ «О национальной платежной системе», который вводит первичные для электронной торговли понятия, такие как «электронное средство платежа», «электронные денежные средства», «оператор электронных денежных средств» и др. Электронные системы платежа организуются хозяйствующими субъектами, которыми, как правило, выступают небанковские кредитные организации, деятельность которых регламентируется Федеральным законом от 02.12.1990 № 395-1 «О банках и банковской деятельности», актами Центрального Банка Российской Федерации.

В свою очередь, Кодекс РФ об административных правонарушениях устанавливает ответственность за нарушение требований к осуществлению предпринимательской деятельности как в целом, так и посредством сети Интернет. Так, с сентября 2018 г. установлена административная ответственность за неисполнение требований, связанных с запретом использования информационных сетей для обхода блокировок, согласно которым поисковые системы обязаны подключиться к Единому реестру запрещенных сайтов Роскомнадзора (Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций), как это уже делают операторы сотовой связи. Также теперь провайдеры будут отвечать за непредставление или несвоевременное представление в Роскомнадзор данных, позволяющих идентифицировать владельца программно-аппаратных средств доступа к информационным ресурсам или сетям, доступ к которым ограничен. Данное правило будет распространяться на сведения об уведомлении владельца этих средств о необходимости размещения данных, позволяющих его идентифицировать (ст. 19.7.10 КоАП РФ).

Говоря о перспективах развития предпринимательской деятельности через интернет, выделим два важных документа. Указом Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 гг.» утверждены национальные интересы в области цифровой экономики[21]. Распоряжением Правительства РФ от 28.07.2017 № 1632-р во исполнение вышеназванного Указа Президента была утверждена государственная программа «Цифровая экономика Российской Федерации»[22].

С целью реализации задач программы в Государственной Думе весной 2017 г. приступил к работе Экспертный совет по цифровой экономике и блокчейн-технологиям при Комитете по экономической политике, промышленности, инновационному развитию и предпринимательству.

Благодаря инициативе Экспертного совета с 01.10.2019 вступил в силу Федеральный закон от 18.03.2019 № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и ст. 1124 ч. 3 Гражданского кодекса Российской Федерации»[23]. В гл. 6 ч. 1 Гражданского кодекса РФ включена ст. 141.1 «Цифровые права», согласно которой цифровыми правами признаются названные в таком качестве в законе обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам. Соответственно, к объектам гражданских прав в числе имущественных прав добавлены цифровые права (ст. 128 ГК РФ). Осуществление, распоряжение, в том числе передача, залог, обременение цифрового права другими способами или ограничение распоряжения цифровым правом возможны только в информационной системе без обращения к третьему лицу.

[20] Российская газета. 07.08.2019. № 172.
[21] Собрание законодательства РФ. 15.05.2017. № 20, ст. 2901.
[22] Собрание законодательства РФ. 07.08.2017. № 32. Ст. 5138.
[23] Российская газета. 20.03.2019. № 60.

Регламентированы положения, касающиеся определения обладателя цифровых прав. Установлено, что переход цифрового права на основании сделки не требует согласия лица, обязанного по такому цифровому праву.

Кроме того, законом предусмотрены условия соблюдения письменной формы сделки, совершенной с помощью электронных либо иных технических средств, позволяющих воспроизвести на материальном носителе в неизменном виде содержание сделки, при этом требование о наличии подписи считается выполненным, если использован любой способ, позволяющий достоверно определить лицо, выразившее волю (ст. 160 ГК РФ). Представляется, что под возможностью воспроизвести содержание сделки на материальном носителе подразумевается в том числе возможность выделить условия сделки в отдельный файл, который можно сохранить (к примеру, на жесткий диск сервера или устройства) и распечатать.

Что касается исполнения обязательства, возникающего при наступлении определенных обстоятельств, предусмотренных условиями сделки, волеизъявление кредитора теперь может выражаться путем применения информационных технологий (ст. 309 ГК РФ).

Претерпела изменения в связи с принятием указанного закона и ч. 2 ГК РФ. Установлено, что договор розничной купли-продажи считается заключенным в надлежащей форме с момента выдачи продавцом покупателю в том числе электронного или иного документа, подтверждающего оплату товара при дистанционных способах продажи товаров (заказа, работ, услуг) (ст. 493 ГК РФ).

В законе № 34-ФЗ предусмотрены положения, касающиеся сбора и обработки обезличенной информации о пользователях. Так, гл. 39 дополнили ст. 783.1, где определены особенности договора об оказании услуг по предоставлению информации, в частности, в таком договоре может быть предусмотрена обязанность сторон не совершать в течение определенного периода действий, в результате которых информация может быть раскрыта третьим лицам. Заметим, что аналогичные нормы о конфиденциальности уже существуют, например, ст. 771, 1032, 1467, 1470 ГК РФ. Изначально новая норма должна была урегулировать особенности оборота больших данных, одновременно изменив понятие «база данных» в ст. 1260 ГК РФ. Однако понятие базы данных осталось прежним и вопрос о правовом регулировании больших данных остался открытым, в связи с чем непонятно появление самостоятельной нормы.

Также законом предусмотрено, что договор номинального счета, договор страхования могут быть также заключены путем составления одного электронного документа, подписанного сторонами, или обмена электронными документами (ст. 860.2 и 940 ГК РФ).

Вместе с тем установлен запрет составления завещания с использованием электронных либо иных технических средств (ст. 1124 ч. 3 ГК РФ).

Таким образом, в настоящее время обязательственные и иные права на объекты могут быть удостоверены цифровыми правами, содержание и условия которых определяются в соответствии с информационной системой по модели описания ценной бумаги в ст. 142 ГК РФ, а исполнение обязательств по сделкам возможно в автоматическом режиме. Законодатель не стал включать самоисполняемые договоры (так называемые смарт-контракты) в ГК РФ в качестве отдельного вида договоров, но определил их в качестве подвида письменной формы сделки. При таком подходе отпадает необходимость в изменении уже существующих правовых моделей, а также упрощается их внедрение в правовую систему и сознание правоприменителей.

Перечисленные нововведения в положения Гражданского кодекса РФ в редакции Федерального закона от 18.03.2019 № 34-ФЗ «О внесении изменений в ч. 1, 2 и ст. 1124 ч. 3 Гражданского кодекса Российской Федерации» применяются к правоотношениям, а также к тем правам и обязанностям, которые возникли после 01.10.2019.

Кроме того, с 01.01.2020 вступает в силу Федеральный закон от 02.08.2019 № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»[24]. Как было сказано в Пояснительной записке к данному законопроекту, он разработан в рамках реализации IV Стратегии развития малого и среднего предпринимательства в России на период до 2030 г., утвержденной Правительством РФ. В соответствии с данной стратегией должны быть предложены решения, связанные с развитием альтернативного источника финансирования малого и среднего бизнеса — коллективного финансирования (краудфандинга и краудинвестинга). Как отметил А. Аксаков, председатель Комитета Госдумы по финансовому рынку: «Это уже происходит, мы просто устанавливаем нормы, которые регулируют этот процесс. Уже сейчас инвестируют граждане в разные проекты, увидев хорошую рекламу, вкладывают свои деньги и иногда что-то зарабатывают, но зачастую

[24] Российская газета. 07.08.2019. № 172.

теряют. В том числе потому, что этот процесс не урегулирован законодательно»[25]. В связи с чем данным актом урегулированы правоотношения о привлечении инвестиций с использованием информационных технологий, а также об операторах инвестиционных платформ по организации розничного финансирования, то есть о краудфандинге. В законе № 259-ФЗ указано, что привлекать деньги для малого и среднего бизнеса в целях розничного финансирования смогут только определенные российские компании и индивидуальные предприниматели — операторы инвестиционных платформ. Они будут организовывать привлечение инвестиций через инвестиционные платформы — специальные площадки в интернете. По новым правилам размер капитала операторов инвестиционной платформы должен быть не менее 5 млн руб. Реестр таких операторов будет вести Банк России. Законом урегулирован и ряд других вопросов, таких как: ограничения на привлечение инвестиций (одно лицо сможет привлекать не более 1 млрд руб. в год); особенности инвестирования физическими лицами (неквалифицированные инвесторы не вправе инвестировать в течение одного календарного года в рамках всех инвестиционных платформ в РФ более 600 тыс. руб.) и др. В таком порядке в следующем году в инвестиционной платформе могут приобретаться, отчуждаться и осуществляться следующие цифровые права (утилитарные цифровые права): право требовать передачи вещи (вещей); право требовать передачи исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности и (или) прав использования результатов интеллектуальной деятельности; право требовать выполнения работ и (или) оказания услуг. Утилитарным цифровым правам в Федеральном законе от 02.08.2019 № 259-ФЗ посвящена отдельная статья. С учетом ее положений, а также положений Закона о цифровых правах под утилитарными цифровыми правами следует понимать обязательственные цифровые права, не подлежащие государственной регистрации, изначально возникшие в качестве цифровых прав, оборот которых возможен только в инвестиционной платформе.

Законом предусмотрена возможность депозитарного учета утилитарных цифровых прав. Речь идет о том, что регулируется не только возникновение и обращение утилитарных цифровых прав, а также выдача и обращение неэмиссионных бездокументарных ценных бумаг, удостоверяющих утилитарные цифровые права (цифровых свидетельств), распоряжаться которыми имеет возможность депозитарий, и закрепляющие права их владельцев требовать от этого депозитария оказания услуг по осуществлению утилитарных цифровых прав и (или) распоряжения ими определенным образом.

Федеральным законом от 02.08.2019 № 259-ФЗ внесены соответствующие изменения в целый ряд законодательных актов, в частности, изменения внесены в Закон о рекламе. Установлено, что реклама услуг по содействию в инвестировании с использованием инвестиционной платформы должна содержать: адрес сайта в интернете, на котором осуществляется раскрытие информации оператором инвестиционной платформы; указание на то, что заключение с использованием инвестиционной платформы договоров, по которым привлекаются инвестиции, является высокорискованным и может привести к потере инвестированных денежных средств в полном объеме. Не допускается реклама, связанная с привлечением инвестиций с использованием инвестиционной платформы следующими способами: предоставление займов; приобретение размещаемых акций непубличного акционерного общества и эмиссионных ценных бумаг, конвертируемых в акции непубличного акционерного общества; приобретение утилитарных цифровых прав. Изменения внесены и в Закон о национальной платежной системе: так, теперь не являются электронными денежными средствами денежные средства, полученные организациями, осуществляющими деятельность по организации привлечения инвестиций.

В качестве заключительных положений законом указано, что осуществление деятельности по организации привлечения инвестиций с использованием инвестиционных платформ после 01.01.2020 допускается лицами, сведения о которых включены в реестр операторов инвестиционных платформ. Но это требование не распространяется на организации, осуществляющие данную деятельность на 01.01.2020. Указанные организации обязаны привести свою деятельность в соответствие с установленными требованиями до 01.07.2020.

В целом требования, предъявляемые законом к участникам инвестиционной платформы, разумные. Ограничения для физических лиц по суммарному объему инвестиций позволит защитить их от необдуманного вложения средств в рискованные проекты. Однако в настоящее время становится ясно, что существующие платформы не вписываются в рамки нового регулирования, так как предполагают привлечение инвестиций в форме криптовалют, а не фиатных средств. Поэтому одна из целей регулирования — легализация инвестирования в токены, по сути, не достигается,

[25] [Электронный ресурс]. URL: http://duma.gov.ru/news/27031/ (дата обращения: 07.10.2019).

платформы и иностранные инвесторы не будут перестраивать применяемые ими инфраструктуру и технологию под требования российского законодателя.

Помимо прочего неясным остается вопрос об ответственности. Закон содержит статью, предусматривающую ответственность оператора инвестиционной платформы за убытки, причиненные вследствие раскрытия недостоверной, неполной или вводящей в заблуждение информации, за нарушение прописанных в законе правил, а также за несоответствие платформы требованиям закона. Об иной ответственности закон не содержит информации. В то же самое время в законе прописан целый ряд запретов, например, запрет на привлечение через платформу инвестиций в недвижимое имущество. В этой связи непонятно, какой вид ответственности будут нести операторы в случае нарушения установленных императивных запретов?

Кроме того, на стадии принятия остался еще один законопроект, связанный с поправками ГК РФ, — № 419059-7 «О цифровых финансовых активах и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (о регулировании учета и обращения цифровых прав). Планировалось, что он вступит в силу с октября 2019 г., как и закон № 34-ФЗ. Как указывалось в пояснительной записке к законопроекту № 419059-7, внесенному на рассмотрение в Государственную Думу РФ 20.03.2018, его целью является «законодательное закрепление в российском правовом поле определений наиболее широко распространенных в настоящее время финансовых активов, создаваемых и / или выпускаемых с использованием цифровых финансовых технологий, к которым законопроект относит распределенный реестр цифровых транзакций...»[26]. Однако если первая редакция проекта вполне соответствовала данному пояснению, то впоследствии его содержание претерпело существенные изменения. Из проекта был исключен внушительный глоссарий. В первой статье осталось лишь определение понятия «цифровые финансовые активы», остальные понятия, которыми оперирует документ, отдельно не раскрываются. В целом можно отметить, что законопроект имеет хоть и непродолжительную, но достаточно нелинейную историю, во многом отразившую неоднозначное отношение государственных органов к технологии распределенных реестров и связанных с ней инструментов. Органы государственной власти РФ до сих пор не могут определиться, что же им делать с криптовалютой. Закон о цифровых финансовых активах вроде бы почти готов, однако новые инициативы продолжают всплывать. Так, Министерство финансов России предложило разбить криптовалюты на три категории: виртуальные активы, технические токены и цифровые финансовые активы, тем самым повысив эффективность регулирования отношений между держателями токенов[27]. Министерство финансов и Банк России выступают против того, чтобы криптовалюта получила статус законного средства платежа, полагая, что она может составить конкуренцию рублю. В законопроекте прямо указывается на то, что цифровые активы не являются законным средством платежа. Предполагается, что инициаторы законопроекта желают придать криптовалюте легальный статус имущества. При этом токен / криптовалюта не признаны ценной бумагой, но требования к ним фактически повторяют требования законодательства о ценных бумагах.

Анализ законопроекта также показал, что многие положения законопроекта носят декларативный характер, не предусматривая внесение изменений в действующее законодательство. В паспорте к законопроекту указано, что принятие проекта закона не повлечет за собой необходимость внесения изменений в отраслевые законодательные акты. Однако в таком случае законопроект «оторван» от российской правовой системы. При этом присутствует «излишнее» дублирующее регулирование рассматриваемой сферы. Очевидно, что указанный законопроект имеет не только внутренние противоречия, но и не соотносится с уже принятыми законами в сфере цифровой экономики по ключевым аспектам (в том числе в отношении терминологического аппарата), а также с действующим российским законодательством. Не случайно изначально предполагалось, что правовое регулирование отношений, связанных с цифровыми активами, должно быть системным. Даже если законопроект о цифровых финансовых активах примут, есть большая вероятность, что криптовалюты будут запрещены в качестве платежного средства на территории России. Поэтому и принятый закон о краудинвестинге регулирует инвестирование в виде традиционных денежных средств, намеренно исключая криптоактивы.

Новые нормы должны поработать определенное время, и тогда после обобщения практики станет понятно, как этим новшеством правильно пользоваться. Ввиду чего отметим, что правовой

[26] См.: Пояснительная записка к проекту федерального закона «О цифровых финансовых активах». [Электронный ресурс]. URL: http://www.asozd.duma.gov.ru/ (дата обращения: 14.09.2019).

[27] Минфин нашел способ регулирования криптовалют [Электронный ресурс]. URL: https://yandex.ru/news/story (дата обращения: 15.09.2019).

фундамент для осуществления предпринимательской деятельности посредством сети Интернет на территории России есть. Не случайно в качестве аргумента против принятия закона об электронной торговле было отсутствие целесообразности введения норм, регулирующих уже урегулированные общественные отношения. Усложнение законодательства само по себе не влечет большего продвижения цифровой торговли в Российской Федерации, а создает дополнительные трудности для правоприменителя, ведь Гражданский кодекс РФ составлен таким образом, что включает в себя универсальные базовые положения, сложность заключается лишь в верном толковании и использовании.

Таким образом, коренная причина заключается не в отсутствии законодательной базы (нынешнее законодательство не устанавливает запретов относительно ведения бизнеса в цифровой среде), а в отсутствии практики осуществления предпринимательской деятельности в сети Интернет. Представляется, что не усложнение законодательства позволит развиться цифровой экономике, а накопление опыта (административного, судебного, делового), складывающегося в устоявшуюся практику толкования. Данный подход позволит учитывать все тенденции регламентации электронной торговли на уровне международных организаций и лучший зарубежный опыт регулирования данного явления.

Литература

1. Архипов В. В., Килинкарова Е. В., Мелащенко Н. В. Проблемы правового регулирования оборота товаров в сети Интернет: от дистанционной торговли до виртуальной собственности. М. : Закон. 2014. № 6. С. 120–143.
2. Еременко В. И. О совершенствовании правового регулирования доменных имен в Российской Федерации // Законодательство и экономика. № 10. М., 2012. С. 41–64.
3. Загашвили В. С. Всемирная торговая организация перед лицом новых вызовов // Российский внешнеэкономический вестник. № 7. М., 2016. С. 14–27.
4. Лейба А. Состояние конкуренции в розничной интернет-торговле // Конкуренция и право. № 3. М., 2016. С. 43–47.

References

1. *Arkhipov V. V., Kilinkarov E. V., Melaschenko N. V.* Problems of Legal Regulation of Circulation of Goods on the Internet from Distance Selling to Virtual Property [Problemy pravovogo regulirovaniya oborota tovarov v seti Internet: ot distantsionnoy torgovli do virtual'noy sobstvennosti]. M. : Law [Zakon]. 2014. No 6. P. 120–143. (In rus)
2. *Eremenko V. I.* On Improving the Legal Regulation of Domain Names in the Russian Federation [O sovershenstvovanii pravovogo regulirovaniya domennykh imen v Rossiyskoy Federatsii] // Legislation and Economics [Zakonodatel'stvo i Ekonomika]. No 10. M., 2012. P. 41–64. (In rus)
3. *Zagashvili V. S.* World Trade Organization in the Face of New Challenges [Vsemirnaya torgovaya organizatsiya pered litsom novykh vyzovov] // Russian Foreign Economic Bulletin [Rossiyskiy vneshneekonomicheskiy vestnik]. No 7. M., 2016. P. 14–27. (In rus)
4. *Leiba A.* The State of Competition in Retail Internet Trade [Sostoyaniye konkurentsii v roznichnoy internet-torgovle] // Competition and Law [Konkurentsiya i Pravo]. No 3. M., 2016. P. 43–47. (In rus)